

Чистое Бисянь глаза Оцуцуки сверкало холодным светом, и она готова была наброситься на месте. Никому не позволено оскорблять ее юного господина! Она всегда сожалела о том, что ее господин родился слепым, и эти люди осмеливаются шептаться перед ним и разглашать его раны! Слепота ее собственного господина всегда была одним из ее табу! Непростительно! Оцуцуки Цюсянь, она в ярости! Длинные белоснежные волосы слегка поднялись от прилива Чакры, вытянутая белая правая рука, белые ости сверкали. Тираническое давление прокатилось по ресторану, и шумные обсуждения внезапно затихли. Все с ужасом смотрели на юную девочку. Она, кажется, всего лишь чуть больше десяти лет, да? Как она могла быть настолько сильной! Недалеко от Конохи, поэтому среди них есть один или два конохинских шиноби, и эти ниндзя также могут напрямую почувствовать силу этой девочки с нежным лицом! "Как это возможно? Ей всего лишь десять лет!" В углу молодой человек с бородой и сигаретой во рту почувствовал давление и прошептал с неверием. Даже из-за того, что он был так потрясен, сигарета упала из его рта, но он этого не заметил. Он — Конхойский Джоунин Сарутоби Асума, сын Третьего Хокаге! "Это ужасный гений, и ее глаза..." Женщина, сидящая напротив молодого человека с бородой, тоже прищурилась и уставилась на Оцуцуки. Эта женщина также является ниндзя из деревни Коноха, Чунин — закатный красный, с парой очаровательных красных глаз и нежным лицом. В этот момент они оба с удивлением смотрели на Оцуцуки Цюсянь, только давление перед началом заставило их почувствовать себя немного трудно дышать. Какая ужасная девочка! "Ничего~ Цюсянь, тот, кто не знает, не виноват, большое наказание и малое наказание достаточно, кроме того, я действительно слепой~" Как раз когда Оцуцуки Цюсянь собирался начать, внезапно раздался смешок Оцуцуки Шэньму, но нежный и мягкий детский голос успокоил Чакру, бурлящую в Оцуцуки Цюсянь. Некоторые обычные люди ничего не знают, их знания кажутся слишком узкомысленными. Более того, давление Оцуцуки Цюсянь уже преподавало им урок. "...Да, господин." Услышав это, Оцуцуки Цюсянь замялась, но все же нехотя рассеяла Чакру в своей руке. Хотя в ее сердце все еще была темная ярость, раз Шэньму заговорил, она не станет слушаться. Увидев, что ужасная, как монстр, девочка остановилась, все в ресторане не могли не вздохнуть с облегчением. Но на этот раз они больше не осмеливались болтать ерундой. Все молча наблюдали за этими двумя людьми, боясь, что девочка внезапно снова что-то сделает. "Ладно, ладно~ давайте сначала поесть, потом отправимся в Коноху." Оцуцуки Шэньму не обращал внимания на взгляды этих людей. Увидев, что Оцуцуки все еще немного недовольна, он не мог не утешить. Эта песня Оцуцуки бессмертна и талантлива, и он также считает своего Оцуцуки Шэньму центром, но он слишком заботится о нем. Иногда Оцуцуки Шэньму не обращает внимания на мелочи, но Оцуцуки Шэньму будет расстроен надолго... Это легенда о том, что император не торопится, верно? Двое подошли к пустому столу и сели, и малыш быстро подала заказанную ими еду. Эти двое дядь, они, естественно, должны обслуживать их тщательно, иначе, если они снова сойдут с ума и разобьют их магазин, у них не будет выхода. "Господин, если мы будем следовать маршруту на карте, я думаю, мы сможем добраться до Конохи примерно за час." Закусив, Оцуцуки Цюсянь тихо сказала Оцуцуки Шэньму, глядя на карту. Теперь, в незнакомом континенте, Оцуцуки Цюсянь, естественно, будет более тщательно заниматься всеми мелочами для Оцуцуки Шэньму. Она никогда не позволит своему ю